

ИКОНЫ МИРОВОГО ТРИллЕРА

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

УКРОЩЕНИЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
LEJONTÄMJAREN

© Camilla Läckberg, 2014. First published by Forum, Sweden
Published by arrangement with Nordin Agency AB & Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

Разработка серийного оформления *Сергея Курбатова*

Художник *Вячеслав Коробейников*

Лэкберг, Камилла.

Л92 Укрощение / Камилла Лэкберг ; [пер.
со швед. Ю. Колесовой]. — Москва : Эксмо,
2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-094976-2

Писательница Эрика Фальк работает над книгой о Лайле Ковальской — женщине, много лет назад зверски убившей мужа и державшей дочь в подвале на цепи. Книга не пишется: Лайла упорно молчит, а частное расследование Эрики приносит лишь россыпь странных, расплывчатых намеков. Но события тех давних лет приобретают новый смысл, когда в городе объявляется серийный убийца. Неясные улики из далекого прошлого наводят на след чудовища, все эти годы не прекращавшего охоту...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Колесова Ю.В., перевод на русский
язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094976-2

Конь ощутил запах страха еще до того, как девочка показалась из леса. Всадница подгоняла его, вжимая пятки ему в бока, но в этом не было необходимости. Они двигались настолько слаженно, что животное и так почувствовало желание наездницы двигаться вперед.

Глухой, ритмичный стук копыт нарушал тишину. За ночь выпал толстый слой снега, и лошадь пролагала новый след, так что свежевыпавший снег легкой пудрой вздымался у нее из-под копыт.

Девочка не бежала. Она двигалась неуверенно, неровно, обхватив себя руками.

Всадница окликнула ее. Это был громкий окрик, по которому конь догадался — что-то не так. Шатающийся ребенок не ответил, а лишь продолжил брести вперед.

Наездница приближалась к маленькой незнакомке, и конь еще ускорил шаг. Сильный, едкий запах страха смешался с другим — неопределенным и таким пугающим, что он прижал уши. Больше всего ему хотелось остановиться, повернуться и галопом припустить обратно в денник. Здесь явно небезопасно было находиться.

Их разделяла дорога. На ней было пусто — только ветер гонял по асфальту снег, словно легкую дымку.

Девочка продолжала идти им навстречу. Она была босой, и краснота на ее голых руках и ногах резко контрастировала с белизной, окружавшей их, а засыпанные

снегом ели за ее спиной напоминали кулисы. Теперь они находились совсем близко друг от друга, и конь услышал, как его всадница снова крикнула. Ее голос был ему хорошо знаком, однако сейчас он показался чужим.

Внезапно девочка остановилась. Она стояла посреди дороги, а снег вился у ее ног. Что-то странное было у нее с глазами. Они казались черными впадинами на белом лице.

Машина возникла из ниоткуда. Визг тормозов разорвал тишину, а затем раздался глухой удар тела, упавшего на землю. Всадница натянула повод так, что удила врезались ему в губы. Повинуясь, животное резко остановилось. Они словно слились воедино, наездница и он. Такова наука управления лошадьми.

На земле неподвижно лежала девочка. Ее странные глаза были обращены к небу.

* * *

Эрика Фальк остановилась перед зданием исправительного учреждения и впервые оглядела его более внимательным взглядом. В первый раз она была настолько занята мыслями о том, с кем ей предстояло встретиться, что не обратила особого внимания на здание и на то, что его окружало. Однако ей пригодятся все образы, когда она будет писать книгу о Лайле Ковальской — женщине, которая много лет назад жестоко убила своего мужа.

Писательница задумалась, какими словами передаст настроение этого серого, похожего на бункер здания, как заставит читателя почувствовать его замкнутость и безнадежность. Тюрьма располагалась всего в получасе езды от Фьельбаки, унылая и мрачная, с высоким забором и колючей проволокой, но без тех башен с вооруженными караульными, которые всегда присутствуют в аме-

риканских фильмах. Это сооружение было построено с единственной заботой — оно должно было соответствовать своему назначению. А предназначалось оно для того, чтобы держать взаперти людей.

Снаружи казалось, что здание необитаемо, однако Эрика знала, что все как раз наоборот. Сокращения и жесткие бюджетные рамки привели к тому, что на имеющейся площади нужно было уместить как можно больше людей. Ни один политик не стал бы поднимать вопрос о строительстве новой тюрьмы, рискуя потерять на этом голоса избирателей, — так что приходилось довольствоваться тем, что есть.

Холод пробирался под одежду, и Фальк двинулась к входу. Когда она вошла в приемное отделение, охранник вяло взглянул на ее удостоверение и кивнул, не поднимая глаз на ее лицо. Он поднялся, и посетительница пошла вслед за ним по длинному коридору, думая о том, как безумно началось для нее утро. Впрочем, в последнее время каждое утро в ее жизни начиналось примерно так. Сказать, что ее сыновья-близнецы вступили в фазу упрямства, — значило бы ничего не сказать.

Эрика не могла припомнить, чтобы со старшей дочкой Майей было бы так тяжело в двухлетнем возрасте — или вообще когда-либо! Другое дело — младшие дети. Заводилой был Ноэль. Он всегда был более бойким из двойняшек, но его брат Антон с удовольствием присоединялся к нему. Если Ноэль начинал кричать, Антон тоже подвывал. Просто удивительно, как Эрике с Патриком удалось сохранить в целостности барабанные перепонки, учитывая уровень ора в децибелах!

А эта ежеутренняя процедура надевания зимней одежды! Фальк незаметно понюхала свою подмышку — от нее уже пахнет потом. Когда сегодня ей удалось наконец с боем надеть на близнецов все их зимние вещи,

чтобы отправить всех троих детей в садик, переодеться самой было уже некогда. Ну да ладно, она ведь не на банкет собралась...

Зазвенела связка ключей — дежурный отпер дверь и провел Эрику в комнату для свиданий. Ей показалось каким-то анахронизмом, что здесь по-прежнему пользуются замками и ключами. Однако это было логично — проще узнать код от кодового замка, чем украсть ключ, так что неудивительно, что старые проверенные методы порой имеют весомые преимущества над современными.

Лайла сидела за единственным столом, повернувшись к окну, и лучи зимнего солнца, просачивающиеся в комнату, образовали вокруг ее головы светящийся ореол. Решетки на окнах отбрасывали на пол четырехугольные тени, а парящие в лучах света пылинки показывали, что комнату убирали не слишком тщательно.

— Добрый день, — сказала Эрика и села.

В душе она задавалась вопросом, почему Ковальская вообще согласилась снова с ней встретиться. Это была их третья встреча, но дело пока несколько не продвинулось. Поначалу Лайла вообще отказывалась ее принимать, сколько бы умоляющих писем ни писала ей Фальк и сколько бы ни звонила. Но несколько месяцев назад заключенная неожиданно согласилась. Вероятно, приход посетительницы вносил некоторое разнообразие в упорядоченную тюремную жизнь, и пока Лайла готова была ее принимать, Эрика намеревалась навещать ее. Давно у нее не возникало такого острого желания рассказать чью-то историю — а без помощи Ковальской она не сможет этого сделать.

— Привет, Эрика, — ответила Лайла, устремив на писательницу свои странные холодно-голубые глаза. Встретившись с ней впервые, Фальк почему-то подумала о ездовых собаках. Дома она уточнила название этой

породы — хаски. Глаза у героини ее будущей книги были как у сибирских хаски.

— Почему ты соглашаешься общаться со мной, если не хочешь говорить о своем деле? — спросила Эрика с места в карьер. И тут же пожалела, что употребила такое формальное слово. Для Лайлы это было не «дело», а трагедия, по-прежнему не оставлявшая ее.

Заключенная пожала плечами.

— Меня больше никто не навещает, — ответила она, подтвердив догадки посетительницы.

Эрика достала из сумки папку с газетными вырезками, фотографиями и записями.

— Я пока не потеряла надежду, — сказала она.

— Ну что ж, такова цена за то, чтобы провести хоть немного времени в компании, — ответила Лайла, и в глазах ее мелькнули искорки — тот неожиданный юмор, который Фальк временами подмечала в ней. Чуть заметная улыбка преобразила ее лицо. Писательница видела фотографии этой женщины до того, как все произошло. Ковальская не была красавицей, однако внешность у нее была необычной и приятной. Тогда у нее были длинные волосы, на большинстве снимков — распущенные и ухоженные. Теперь же они были подстрижены очень коротко, под гребенку. Собственно, это трудно было назвать прической — волосы были просто обкорнаны и продемонстрировали, что Лайла давно уже не заботится о своей внешности. Да и зачем? Много лет она не выходила за стены тюрьмы. Для кого ей стараться хорошо выглядеть? Для других заключенных? Для охранников?

— У тебя усталый вид, — проговорила Ковальская, внимательно оглядев Эрику. — Утро далось тяжело?

— Да, тяжелое утро сегодня, тяжелый вечер вчера, и, скорее всего, такой же тяжелый вечер ожидает меня сегодня. Но ведь так и бывает, когда дети маленькие...

Писательница сделала глубокий выдох, пытаясь расслабиться. Она сама чувствовала, что все еще находится в напряжении после утреннего стресса.

— Петер всегда был таким послушным, — проговорила Лайла, и ее голубые глаза задернулись пеленой. — Ни одного дня не упрявился.

— Он был довольно тихим, как ты сказала в прошлый раз.

— Да, поначалу мы думали, что с ним что-то не в порядке. До трех лет он ни звука не произносил. Я даже хотела отвести его к специалисту, но Владек не позволил.

Она фыркнула, и ее руки, лежавшие на столе, сами собой сжались в кулаки.

— А что произошло с ним в три года? — спросила посетительница.

— В один прекрасный день он вдруг заговорил. Целыми предложениями и с большим словарным запасом. Чуть-чуть шепелявил, но создавалось впечатление, что он разговаривал всегда. Как будто и не было этих долгих лет молчания.

— Вы так и не получили этому никакого объяснения?

— Нет, да и от кого? Владек ведь не хотел обращаться за помощью. Он всегда говорил, что не надо выносить сор из избы.

— Как ты думаешь, почему Петер так долго молчал?

Лайла отвернулась к окну, так что свет снова образовал ауру вокруг ее светлых, коротко остриженных волос. Борозды, которые время оставило на ее лице, проступили особенно немилосердно. Словно карта всех тех страданий, через которые ей пришлось пройти.

— Наверное, он понял, что лучше оставаться невидимкой. Не попадаться лишний раз на глаза. Петер был очень смысленный мальчик.

— А Луиза? Она рано начала говорить? — небрежно спросила Фальк и затаила дыхание. До сих пор ее себе-

седница делала вид, что не слышит вопросов, касающихся дочери. Так произошло и на этот раз.

— Петер любил сортировать предметы, — сказала она вместо ответа. — Он во всем любил порядок. Когда он был совсем маленьким, то строил башенки из кубиков — идеально ровные. И очень расстраивался, когда...

Лайла неожиданно замолчала.

Эрика видела, как она стискивает зубы, и пыталась мысленно призвать заключенную продолжить рассказ, выпустить наружу то, что было так крепко заперто у нее внутри. Однако момент прошел. Так бывало и во время прошлых посещений. Иногда создавалось впечатление, что Лайла стоит на краю пропасти и в душе желает броситься в нее. Она словно была готова очертя голову кинуться вниз, но какие-то силы каждый раз удерживали ее, заставляя вернуться в надежное место среди теней прошлого.

О тенях писательница подумала не случайно. Еще при первой их встрече у нее возникло ощущение, что эта женщина живет в мире теней — какой-то параллельной жизнью, рядом с той, которая могла бы у нее быть, той, которая исчезла в бездонной тьме в тот самый день много лет назад.

— Разве тебе не кажется иногда, что твое терпение вот-вот лопнет от капризов твоих мальчишек? — спросила Ковальская с искренним интересом. Однако в ее голосе звучал еще какой-то почти умоляющий оттенок.

Ответить на этот вопрос было нелегко. Все родители наверняка испытывали чувство, что балансируют на грани дозволенного и недозволенного. Каждому доводилось стоять и считать про себя до десяти, пока в голове проносились мысли о том, чего им больше всего хочется сделать, чтобы положить конец бесконечным ссорам

и капризам. Однако между этим ощущением и поступком — огромная пропасть. Так что Эрика покачала головой:

— Я ни за что не смогла бы сделать им больно.

Сперва Лайла не ответила — она просто смотрела на собеседницу своими мерцающими голубыми глазами. Однако когда охранник постучал в дверь и сообщил, что время свидания вышло, заключенная тихо проговорила, по-прежнему не сводя глаз с Эрики:

— Тебе это только кажется.

Фальк подумала о фотографиях, лежащих в папке, и по спине у нее пробежал холодок.

* * *

Тира Ханссон ритмичными движениями чистила Фанту. Как всегда, на душе у нее становилось гораздо легче, когда она общалась с лошадьми. На самом деле ей больше всего хотелось бы ухаживать за Скирокко, но Молли не позволяла никому другому даже прикасаться к нему. Это так несправедливо! Из-за того, что конюшной владеют родители Молли, ей всегда разрешается делать, что она захочет.

Сама Тира обожала Скирокко. Это была любовь с первого взгляда. Он смотрел на нее так, словно все понимал. Это было общение без слов, какого ей никогда раньше не доводилось переживать — ни с человеком, ни с животным. Да и с кем? С мамашей? Или с Лассе? Одна мысль о Лассе заставила девочку жестче чесать Фанту, однако большая белая кобыла, похоже, ничего не имела против. Скорее, ей даже нравилось, что ее чешут щеткой, — она фыркала и качала головой вверх-вниз. На мгновение Тире показалось, что лошадь приглашает ее на танец. Она улыбнулась и погладила Фанту по серой гриве.

— Ты тоже очень хороша, — сказала она, словно лошадь могла услышать ее мысли о Скирокко.

Затем девочка почувствовала угрызения совести. Взглянув на свою руку на гриве Фанты, она поняла, как ничтожна ее зависть.

— Скучаешь по Виктории, да? — прошептала она и прижалась щекой к шее лошади.

Виктория, которая раньше ухаживала за Фантой. Виктория, которая пропала несколько месяцев назад. Она ее лучшая подруга... *была* ее лучшей подругой.

— Я тоже очень без нее скучаю, — призналась Ханссон.

Она ощущала щекой мягкую шерсть лошади, однако это не приносило утешения, на которое девочка так надеялась.

Сейчас ей полагалось находиться на уроке математики, но в это утро у нее не хватило сил притворяться и скрывать свое горе. Тира сделала вид, что пошла к школьному автобусу, но вместо этого отправилась искать утешения в конюшне — единственном месте, где у нее были шансы его найти. Взрослые ничего не понимают. Они видят только собственную тревогу, собственное горе.

Виктория была для Тиры больше, чем просто лучшей подругой. Она была ей как сестра. Девочки подружились в первый же день в детском саду и с тех пор были неразлучны. Они делились друг с другом всем. Или же — нет? Тира уже не знала, что и подумать. В последние месяцы перед исчезновением Виктории что-то изменилось. Словно между ними выросла стена. Тира не стала приходить к подруге с расспросами, решив, что со временем та сама расскажет, в чем дело. Но время утекло прочь — и теперь Виктории нет рядом.

— Она точно вернется, — сказала Тира Фанте, хотя в глубине души и сомневалась в этом. Несмотря на то что никто ничего не говорил вслух, все понимали, что про-

изошло нечто очень серьезное. Виктория была не из тех девушек, которые исчезают по собственной воле — если такие вообще существуют. Она радовалась жизни и к тому же не стремилась к авантюрам. Предпочитала проводить время дома или в конюшне — даже в Стрёмстад по выходным ее было не вытащить. Да и семья у нее была совсем не такая, как у Тиры. Они все очень добрые — даже старший брат Виктории. Он часто подвозил сестру до конюшни, в том числе и рано утром. Дома у них Ханссон всегда чувствовала себя комфортно — ее принимали как члена семьи. Иногда ей хотелось, чтобы это была ее семья. Обычная, нормальная семья.

Фанта мягко толкнула ее носом. Несколько слез упало на морду лошади, и Тира поспешно вытерла глаза ладонью.

Внезапно она услышала снаружи какой-то необычный звук. Фанта тоже насторожилась, повела ушами вперед и так резко подняла голову, что ударила девочку по подбородку. Горьковатый вкус крови разлился во рту. Выругавшись, Тира прижала ладонь к губам и вышла посмотреть, что случилось. Когда она открыла дверь конюшни, солнце ослепило ее, но глаза скоро привыкли к свету, и она увидела Валианта, скачущего через двор с Мартой в седле. Марта остановилась так резко, что жеребец чуть не встал на дыбы. Она что-то кричала. Поначалу Тира не могла разобрать, что именно, но в конце концов до нее долетели слова:

— Виктория! Мы нашли Викторию!

* * *

Патрик Хедстрём сидел в полицейском участке Танумсхеде и наслаждался покоем. Сегодня он пришел на работу рано, счастливо избежав процедур одевания и

отвода малышей в детский сад, которые теперь вполне можно было приравнять к пыткам, поскольку близнецы из очаровательных младенцев превратились в Дэмиенов из фильма «Омен»¹. Полицейский не понимал, как два таких маленьких существа могут отнимать столько сил. Самым любимым моментом дня для него стали те минуты, когда он сидел вечером рядом с их кроватками и наблюдал, как они спят. Лишь тогда он мог наслаждаться чистой и всеобъемлющей любовью, без примеси безграничной тревоги и раздражения, которые он испытывал, когда они кричали: «НЕ-Е-Е-ЕТ! НЕ ХОЧУ!!!»

С Майей все всегда было проще. Настолько проще, что порой его охватывало чувство вины за то, что они с Эрикой уделяли куда больше внимания малышам. Майя была такой послушной и так отлично умела развлекать себя сама, что ее родители были уверены: она довольна жизнью. Кроме того, старшая дочка, несмотря на свой юный возраст, обладала феноменальными способностями гасить самые жуткие вспышки упрямства своих маленьких братьев. Однако это было так несправедливо! И Патрик решил, что сегодня вечером они с Майей обязательно посидят вдвоем и читают сказки.

В этот момент зазвонил телефон. Хедстрём ответил рассеянно, все еще думая о дочери, однако тут же очнулся и выпрямился на стуле:

— Что они говорят? Хорошо, мы немедленно приедем, — пообещал он, выслушав ответ.

Затем, вскочив, мужчина натянул куртку, крича в глубь коридора:

— Йоста! Мелльберг! Мартин!

¹ «Омен» — американский фильм ужасов 1970-х годов, в котором главным злодеем выступает маленький мальчик Дэмиен Торн.